

Айвенго

Автор:

Вальтер Скотт

Айвенго

Вальтер Скотт

Один из самых популярных романов В. Скотта повествует о необыкновенных событиях, происходивших в средневековой Англии. Вместе с Ричардом Львиное Сердце, Робинот Гудом и доблестным Айвенго юные читатели окунутся в мир приключений. Их ждут рыцарские турниры, горящие замки и беззащитные прекрасные дамы...

Вальтер Скотт

Айвенго

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010

* * *

Истории «шотландского чародея»

Вальтер Скотт (1771–1832) по праву считается основоположником жанра исторического романа. Его творчеством восхищались Александр Пушкин, который называл писателя «шотландским чародеем», а также Николай Гоголь, Лев Толстой и Леся Украинка. Секрет популярности его книг – не в экзотических

средневековых нравах и обычаях и не в сложной интриге, а в том, что сближает людей всех эпох и национальностей: в живых человеческих чувствах, которые, по словам самого Вальтера Скотта, «одинаково волнуют человеческое сердце, бьется ли оно под стальными латами пятнадцатого века, под парчовым кафтаном восемнадцатого или под голубым фраком и жилетом наших дней». Писатель открыл неведомую эпоху, целый мир европейского Средневековья. Его книги нередко становились отправной точкой для исследований и научных открытий, а такие романы, как «Айвенго» (1819), принесли ему всеевропейскую славу.

Вальтер Скотт был шотландцем по происхождению, и Шотландия занимала в его сердце совершенно особое место. Будущий писатель родился в Эдинбурге в семье юриста, а все его раннее детство прошло в местечке Сандиноу на ферме деда, куда мальчика отправили восстанавливать силы после перенесенной «лихорадки», на самом деле оказавшейся одной из опаснейших детских болезней – полиомиелитом. Несмотря на все усилия близких, у Вальтера на всю жизнь осталась хромота и ему приходилось при ходьбе опираться на палку. Уже в эту пору проявились удивительные способности мальчика – прежде всего живой ум и феноменальная память. С годами Вальтер Скотт овладел колоссальным объемом знаний, и поэтому при написании обширных исторических романов ему не приходилось рыться в архивах и месяцами просиживать в библиотеках – материал всегда был у него, что называется, «под рукой».

Жизнь на Шотландском пограничье – историческом рубеже между Англией и Шотландией – позволила мальчику познакомиться с шотландским фольклором, старинными балладами о рыцарских временах. Здесь он впервые услышал о разбойниках, хозяйничавших в этих краях. В колледже, куда он поступил, немного окрепнув, за Вальтером Скоттом закрепилась слава отличного рассказчика. Он увлекся поэзией, организовал в колледже «Поэтическое общество», изучал немецкий язык и знакомился с творчеством немецких поэтов-романтиков. Однако Скотт-старший видел его будущее иным – в 1786 году Вальтеру пришлось поступить учеником в юридическую контору отца, а затем в Эдинбургский университет.

Но даже став профессиональным адвокатом, Вальтер Скотт не утратил интереса к литературе и истории. Во время многочисленных поездок по стране он собирал и записывал народные легенды и баллады о героях шотландского прошлого. А в

1791 году Вальтер познакомился со своей первой любовью – Вильяминой Белшес, дочерью эдинбургского юриста. Она предпочла ему сына состоятельного банкира, за которого и вышла замуж. Это стало для молодого человека страшным ударом, а Вильямина впоследствии не раз становилась прообразом героинь в романах писателя, в частности леди Ровены из романа «Айвенго».

Вальтер Скотт женился на француженке Маргарите Шарлотте Шарпантье и занял должность шерифа в Селкиркшире, а еще через несколько лет стал одним из секретарей Верховного суда Шотландии. Эти обязанности Вальтер Скотт исполнял до конца своих дней, несмотря на то что главным источником его доходов стал со временем литературный труд.

В 1802 году начинающий автор опубликовал сборник народных баллад под названием «Песни шотландской границы», а затем поэму «Песнь последнего менестреля», которая привлекла читателей к его творчеству. Роман «Уэверли» (1814) поразил читающую публику новизной стиля и живостью описаний старинных шотландских обычаев. В первых своих книгах писатель обращался к недавнему прошлому, события которого были еще свежи в людской памяти, но в 1819 году в романе «Айвенго» обратился к средневековой Англии. Эта книга принесла писателю признание в самых высоких сферах общества, ему был пожалован титул баронета.

За «Айвенго» последовал цикл книг о Шотландии 15–16 столетий, одной из главных героинь которых стала королева Мария Стюарт, а местом действия – замок, в котором ее держали в заточении. Роман «Приключения Найджела» (1822) встретил восторженный прием в Лондоне, а «Квентин Дорвард» (1823) – во Франции. Интересно, что до 1827 года все книги Вальтера Скотта выходили без указания имени автора, хотя читатели еще со времен появления «Айвенго» отлично его знали.

В 1825 году на лондонской бирже разразилась финансовая паника, и ее жертвами, наряду со многими другими дельцами, стали издатель Скотта и владелец типографии, в которой печатались его книги. Оба готовы были заявить о банкротстве, однако Вальтер Скотт совершил рыцарский поступок, достойный самых благородных из его героев, – взял на себя ответственность за все счета, которые составили громадную по тем временам сумму в 120 000 фунтов стерлингов, и обрек себя на изнурительный многолетний литературный труд, чтобы выплатить долг.

Девятитомный труд «Жизнь Наполеона» и двухтомная «История Шотландии» позволили писателю расплатиться с долгами, но стоили ему невероятного напряжения сил. И без того хрупкое здоровье Вальтера Скотта пошатнулось. Врачи уговорили его отправиться на лечение в Италию, а британское правительство предоставило для этого корабль. В пути писатель внезапно почувствовал себя хуже и распорядился взять обратный курс.

Спустя несколько месяцев автор двадцати шести романов, большинство из которых вошли в сокровищницу мировой культуры, скончался в своем шотландском поместье Эбботсфорд.

Память о «шотландском чародее» увековечена в величественном памятнике, сооруженном в центре Эдинбурга на средства поклонников его творчества. Это грандиозная готическая стела высотой более шестидесяти метров, у подножия которой восседает изваянный из белого мрамора автор «Айвенго», «Роб Роя», «Квентина Дорварда» и других великолепных книг, которые стали «вечными спутниками» многих поколений читателей.

Глава 1

В старину в том живописном уголке Англии, что зовется графством Йоркшир, где на холмах и в долинах шумят леса и быстрые реки несут свои воды к холодному морю, происходило немало удивительных и героических событий. По преданию, тут некогда обитал сказочный уонтлейский дракон; здесь во времена междоусобных войн Белой и Алой розы гремели отчаянные битвы, и в этих же краях бродили удалые разбойники, подвиги которых на протяжении веков прославляются в народных песнях и балладах.

Таково место действия нашей повести.

Описываемые в ней события произошли в двенадцатом столетии и относятся к концу царствования Ричарда I, прозванного Ричардом Львиное Сердце. То была эпоха великих перемен, полная жестоких и кровавых событий. Завоеватели-норманны, столетием раньше вторгшиеся в страну, пытались окончательно подчинить себе англосаксов, которые владели этой землей на протяжении

нескольких веков. Фактически в Англии жили – и далеко не мирно – два народа, говоривших на разных языках, и ни один из них не желал признавать главенства другого. Но особенно острой была вражда между знатными феодалами и верховной властью. На протяжении всего XII века короли Англии упорно боролись со своими вассалами – герцогами, графами и баронами, отстаивавшими право безраздельно господствовать на принадлежащих им землях. По законам того времени они подчинялись только главе государства – королю, но на деле были почти независимы от него. Их союз скрепляла только клятва верности, которую своенравные и корыстные феодалы то и дело нарушали, а случалось, даже развязывали войны против своего законного владыки. Масла в огонь нескончаемых раздоров подливали беспрестанные ссоры между норманнскими баронами и старой знатью – саксонскими землевладельцами-танами.

В этой жестокой борьбе, охватившей всю страну, короли находили поддержку у простого люда – ведь для вольного земледельца-йомена и ремесленника главным врагом был норманнский феодал, стремившийся превратить свободных граждан в крепостных. И немало простолюдинов действительно превращались в рабов, чаще всего из-за долгов, которыми опутывали их землевладельцы. Уделом таких рабов и их потомства становился самый тяжелый труд в каменоломнях, на раскорчевке лесов, на скотных дворах и в поле.

Ричард Львиное Сердце, король, которого называли «странствующим рыцарем на престоле», надолго покинул свое беспокойное отечество, исполняя клятву, данную Святому Престолу, – отправиться в Палестину и нанести сокрушительное поражение султану Саладину, окончательно отвоевав у мусульман право владеть великой святыней – Гробом Господним. Для этого необходимо было укрепить рубежи Иерусалимского королевства – государства, созданного на Святой земле рыцарями-крестоносцами еще во времена первых крестовых походов.

В то время образ рыцаря-крестоносца стал одним из самых почитаемых в христианском мире. Эти закаленные воины, носившие на плащах знак креста, на протяжении многих лет противостояли натиску «неверных», совершая порой невероятные подвиги. Многие из них становились членами духовно-рыцарских орденов, принося обеты бедности, послушания и безбрачия. Одним из первых возник орден Храма, иначе называемый орденом тамплиеров. Он ставил своей задачей защиту христианских завоеваний в Палестине, но уже в XII веке приобрел такие богатства и могущество, что начал диктовать свою волю европейским монархам и вмешиваться в отношения между государствами.

Бесстрашному и великодушному Ричарду сопутствовала воинская удача, а его полководческий дар и отчаянная храбрость были известны всей Европе. Немало было у короля-рыцаря и друзей, и врагов, но ни один из его противников не посмел бы отрицать, что успех Третьего крестового похода, когда султан Саладин, осажденный в укрепленной твердыне Аккон, был вынужден сдаться, принадлежит Ричарду.

Тем временем, воспользовавшись отсутствием законного короля, власть в Англии коварно захватил его брат, принц Джон, которого поддерживала норманнская знать. Прослышав об этом, Ричард Львиное Сердце немедленно покинул Святую землю и поспешил на родину. Однако на полпути, неподалеку от Вены, его обманом захватил в плен злейший враг – германский император Генрих VI, враждовавший с Англией.

К отчаянию своих подданных, измученных тиранией норманнской знати, Ричард оказался в темнице. А между тем в его владениях осталось совсем немного саксов, сумевших сохранить земли своих отцов. Злодеяния баронов множились изо дня в день, принц Джон разорял страну, а знать требовала для себя все новых вольностей и привилегий. Вражда и ненависть между норманнами-победителями и побежденными саксами росли не по дням, а по часам.

* * *

Багровое солнце садилось за густым дубовым лесом. Местами к дубам примешивались бук, остролист и другие кустарники, росшие так тесно, что, казалось, совершенно не пропускали его косых лучей. Но иногда деревья расступались, образуя просеки, тропинки, поляны и лабиринты, и можно было даже услышать тихое журчание ручья, бегущего по невысокому холму.

По склонам холма лениво бродило стадо свиней, а на вершине его расположились, мирно беседуя, – судя по наружности и одежде, – два йоркширца. Старший из них был плечистым бородатым человеком, угрюмым с виду и диковатым. Он был одет в потертую куртку мехом наружу, перетянутую широким кожаным поясом с медной пряжкой. За пояс был заткнут длинный, остро отточенный нож с роговой рукояткой. Непокрытая голова свинопаса с густыми, включенными, цвета ржавчины волосами была устало опущена к земле, а крепкую шею охватывало наглухо запаянное медное кольцо вроде собачьего ошейника с надписью саксонскими буквами: «Гурт, сын Беовульфа,

раб Седрика Ротервудского».

Рядом с Гуртом сидел человек лет на десять моложе. Подвижное и худощавое лицо его выражало любопытство и хлопотливое нетерпение; разговор между приятелями шел на англо-саксонском наречии, на котором говорило все простонародье, кроме норманнских солдат и людей, непосредственно приближенных к вельможам. Наряд, по виду похожий на одежду свинопаса, был из лучшей материи и необычного покроя. Малинового цвета куртка, местами покрытая яркими узорами, а поверх нее – короткий и широкий суконный замызганный плащ, подбитый ярко-желтой тканью. Плащ этот можно было перекидывать с одного плеча на другое и по желанию обертывать вокруг тела. На руках позвякивали серебряные браслеты, а на шее виднелся такой же ошейник, но серебряный и с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Худые ноги Вамбы были обуты в длинноносые башмаки, один из которых был красным, а другой – желтым, голову покрывал колпак с бубенчиками, звеневшими при каждом движении, а за поясом торчал деревянный бутафорский меч.

В отличие от своего мрачноватого приятеля Вамба ни минуты не мог усидеть на месте; его физиономия домашнего шута, то глуповатая, то лукавая, даже здесь, вдали от поместья, словно продолжала забавлять скупающих господ и уже начала раздражать свинопаса.

– Чертово отродье! – воскликнул Гурт, поднимаясь и трубя в рог, чтобы собрать свиней, которые разбрелись по пастбищу в поисках желудей. Стадо отозвалось разноголосым хрюканьем, но и не подумало покинуть тенистые и заболоченные берега ручья. – Будьте прокляты, негодные твари, и я вместе с вами! Фангс! Бездельник! – прикрикнул он на косматую овчарку. – Пусть сам дьявол вышибет тебе все зубы! Ты что тут развалился, старый дурень, гони их ко мне!

Шут повалился на землю и захохотал.

– Вамба, – с досадой обернулся к нему свинопас, – вставай-ка, брат, помоги мне. Выведи этих паршивых свиней из болота. Они как слышат твои бубенчики, мигом побегут за тобой, словно ягнята.

– Ты так думаешь, приятель? – Шут даже не пошевелился. – Мои ножки советуют мне не соваться в грязь. Такой важной персоне, как Вамба, негоже пачкать свой

царственный наряд. Пусть этим занимается твой пес. А еще лучше, Гурт, если эти свиньи, затерявшись, к утру превратятся в норманнов, к нашему обоюдному удовольствию...

- Сущяя правда, дружище, хоть и вышла из глупой башки.

- Послушай-ка, что я еще скажу, - продолжал Вамба, посмеиваясь, - стоит мне кой-кому намекнуть, что ты зовешь норманнов свиньями, тебя тут же вздернут для острастки других болтунов. Не те нынче времена - твоему хозяину Седрику трудно будет вступить за тебя, как раньше.

- Ты хочешь выдать меня? Да ведь ты сам первый начал величать моих свиней... Эй, Фангс, гони их сюда! - закричал свинопас, тут же забыв о шутках приятеля. - Ого-го-го! Вот уж почти и все стадо собрано... Скорей поднимайся, Вамба, ты что, не видишь - гроза идет, нужно поторопиться.

- Может, я и дурак, но не глухой. - Шут легко вскочил на ноги. - Да только это не раскаты грома, я слышу топот подкованных копыт...

- Хватит тебе веселиться, пошли, не то нас накроет ливень. - Гурт со свистом и окриками погнал свиней по одной из лесных троп. - Не все ли тебе равно, кто там скачет? Слышишь, небо прямо расколосось, потемнело-то как! Послушайся меня хоть раз: нужно убраться домой до бури! Ночь будет жуткая!

- Любопытно, что это там за всадники, - пробормотал Вамба, однако подхватил валявшуюся на мокрой траве дубинку и припустил следом за озабоченным свинопасом.

Глава 2

Топот лошадиных копыт приближался, но Вамба, в отличие от промокшего приятеля, не слишком торопился, - несмотря на сердитые окрики и брань Гурта, он то рвал незрелые орехи, то глазел по сторонам. Вскоре кавалькада из десяти всадников поравнялась с ними.

В одном из них шут тут же признал преподобного Эймера, настоятеля соседнего аббатства, известного в округе любителя охоты и пиров. Несколько тучный монах крепко держался в седле, покрытом длинной попоной с вышитыми митрами, крестами и прочими знаками его духовного сана. Послушник вел вьючного мула, нагруженного, по-видимому, багажом его хозяина, а два монаха того же ордена ехали рысью в арьергарде и беседовали. Расшитая золотом одежда настоятеля от быстрой скачки была почти сухой; выражение его круглого лица, которым он мастерски владел, могло бы показаться смиренным и простодушным, если бы не пренебрежительный и властный взгляд из-под нависших бровей, которым он окинул Вамбу. Взгляд этот тут же погас, и веки священнослужителя опустились.

Спутником настоятеля был человек лет сорока, сухощавый, рослый и мускулистый. В каждом его движении чувствовалась скрытая сила, и даже монашеская мантия с суконным крестом не могла скрыть, что под ней находится тело закаленного воина, привыкшего к длительным походам. Капюшон был отброшен, и лицо мужчины казалось почти черным от южного солнца. Высокий лоб пересекал тонкий шрам, а выражение надменного лица внушало опасливое почтение. Резкие сухие черты и подрагивающие губы под черными усами говорили о буре затаенных страстей, а поврежденный глаз придавал всаднику выражение зловещей суровости. Под скромным плащом незнакомца на мгновение мелькнули плотно прилегающая рыцарская кольчуга и острый кинжал, заткнутый за пояс.

За всадником следовали верхом двое оруженосцев; один держал повод боевого коня в полном вооружении, другой вез длинное копье своего хозяина с развевающимся на острие стягом крестоносца и треугольный щит, обшитый красным сукном, под которым скрывался девиз рыцарского ордена. Оруженосцев нагоняла пара темнокожих слуг в белых тюрбанах, которые восседали на арабских скакунах, навьюченных доспехами, оружием и всяческими припасами; легкая шелковая одежда уроженцев Востока, украшенная пестрым шитьем, свидетельствовала о богатстве и знатности их господина, тогда как сам он был одет крайне просто и строго.

Необычная кавалькада привлекла внимание не только Вамбы, но и менее любопытного Гурта, который, впрочем, тоже узнал в монахе настоятеля богатейшего в округе аббатства Жерво; суровый свинопас относился к нему с осторожным почтением, как и весь простой люд, и закрывал глаза на греховные слабости священнослужителя.

Диковинный облик рыцаря и его пестрой свиты так поразили друзей, что они никак не могли понять вопроса, с которым к ним обратился почтенный аббат.

– Я спрашиваю вас, дети мои, – повысив голос, повторил аббат Эймер, – нет ли здесь по соседству доброго и гостеприимного человека, который не отказал бы из любви к Богу в ночлеге двум смиреннейшим слугам нашей матери Церкви?

– Каковы же все остальные, если эти смиренные из смиренных? – пробормотал себе под нос Вамба и, вскинув глаза на аббата, ответил:

– В нескольких милях отсюда находится Бринксвортское аббатство, где святым отцам окажут радушный прием. Если же они предпочитают провести вечер в молитвах, то эта лесная тропа приведет их к заброшенной хижине – там старый отшельник разделит с ними кров, скудную пищу и благодать Господню.

– Дружище, – покачал головой настоятель, – похоже, звон колокольчиков затмил твой рассудок. Мы всегда предпочитаем дать мирянам лишнюю возможность оказать помощь слугам Господа.

– Хоть я и осел, – живо отозвался шут, – и удостоен чести носить колокольчики, как и мул вашей милости, мне думается, что милосердие матери Церкви и ее служителей должно бы начинаться в ней самой...

– Прекрати болтовню! – сурово прервал Вамбу крестоносец. – Укажи, если знаешь, дорогу к замку... Как вы назвали этого дворянина, аббат?

– Седрик Ротервудский. Он же Седрик Сакс...

– Найти дорогу туда будет трудновато, – вмешался угрюмо молчавший до этого Гурт, – к тому же в доме Седрика рано ложатся спать.

– Могут и подняться ради таких путников, как мы, – усмехнувшись, заявил рыцарь. – Я не стану унижаться там, где имею право потребовать ночлега!

– Не знаю, – пробурчал свинопас, – должен ли я указывать дорогу к жилищу моего господина людям, считающим себя вправе требовать то, что обыкновенно предоставляют из милости.

– Уж не вздумал ли ты перечить мне, грязный раб! – Всадник занес хлыст, и Гурт, метнув на крестоносца дикий мстительный взгляд, тут же схватился за рукоять своего длинного ножа.

Вмешательство настоятеля Эймера положило конец спору, грозившему иметь неприятные последствия:

– Заклинаю вас, брат Бриан! Не забывайте, что вы уже в Англии, а не в Палестине... Тут громить никого не следует... Скажи, любезный, – обратился он к шуту, бросая к его ногам серебряную монетку, – где дорога к замку уважаемого Седрика Сакса?

– Преподобный отче, – ответил шут, – сарацинский облик вашего почтенного спутника напугал меня и совсем отшиб память. Вряд ли я и сам найду дорогу домой до ночи.

– Полно врать! – хмыкнул аббат, бросая еще одну монету. – Ты, плут, сможешь все, если захочешь! Мой преподобный брат, – уже сурово продолжил он, – всю жизнь провел в седле ради освобождения Гроба Господня. Он принадлежит к ордену рыцарей Храма, о котором ты, быть может, слышал; все храмовники наполовину монахи и наполовину воины.

– Если даже твой спутник наполовину монах, – заметил шут, – ему не следует так грубо обращаться с теми, кого он встречает в пути... Поезжайте по этой дороге до развилки, где стоит вросший в землю крест, потом сверните налево, и вскоре вы обретете убежище и ночлег.

Кавалькада, пришпорив коней, умчалась прочь. Когда стук множества копыт затих в отдалении, Гурт заметил:

– Если эти надутые слуги Божьи, приятель, последуют твоему совету, то вряд ли они до ночи доберутся до Ротервуда.

– Я был бы плохим охотником, когда бы, желая, чтоб собака не спугнула оленя, показал ей, где его логово, – усмехнулся Вамба.

Тем временем всадники, оставив далеко позади обоих рабов, продолжали прерванную беседу.

– Почему вы остановили меня и не дали проучить как следует этих грубиянов? – спросил у аббата храмовник. – Я живо преподаю бы им урок вежливости. Мне не впервой иметь дело с подобными людьми...

– Бросьте, брат Бриан! – поморщился настоятель. – Какой спрос с шута? А другой принадлежит к тому свирепому и неукротимому роду людей, которые еще встречаются между саксами. В каждой стране свои нравы и обычаи, так что плетью мы не добились бы от них ни слова. Седрик Ротервудский, к которому мы сейчас направляемся, из того же теста: враг баронов, он горд, обидчив, честолюбив, вспыльчив и в ссоре со всеми соседями. Сакс до последней капли крови защищает честь своего рода, несмотря на то что победа принадлежит норманнам.

– В таком случае, – произнес рыцарь, – эта пресловутая леди Ровена должна быть настоящим чудом, чтобы терпеть такое сокровище, как ее батюшка Седрик.

– Седрик ей не отец, – отозвался Эймер, – а всего лишь дальний родственник, но и собственная дочь не была бы ему дороже. Леди Ровена много знатнее его происхождением, но саксонец не за это ее любит и всячески покровительствует. Она послушна, умна и прелестна.

– Ну а если ваша красавица, – язвительно сказал храмовник, – окажется далеко не так хороша, как вы утверждаете?

– Готов биться об заклад. Ставлю мою золотую цепь против десяти бочонков хиосского вина, – сказал аббат. – Однако остерегайтесь слишком пристально смотреть на девушку и придержите язык. Седрик Сакс невероятно ревнив; ходят слухи, что он выгнал из дому единственного сына лишь за то, что тот посмел бросить на леди Ровену влюбленный взгляд... А вот и крест! Шут, кажется, велел свернуть налево... Темень-то тут какая...

– А может, направо? – возразил рыцарь. – Шут говорил одно, а своим дурацким мечом указывал в совершенно другую сторону... Э, да тут кто-то есть! Либо спит, либо его прикончили! Гуго, пошевели-ка его острием своего меча!

Оруженосец не успел выполнить приказание, как лежащая у подножия креста человеческая фигура, закутанная в плащ, вскочила на ноги, воскликнув:

– Кто бы вы ни были, у вас нет права нарушать мой покой!

– Мы всего лишь хотели спросить, – миролюбиво проговорил настоятель, – как проехать в Ротервуд?

– Я и сам туда направляюсь, – отозвался незнакомец, – и отлично знаю дорогу. Но у меня нет коня.

– Мы отблагодарим тебя, – проговорил Эймер, – если ты благополучно проводишь нас до замка Седрика. Лошадь у нас для тебя найдется.

Проводник избрал совсем не ту дорогу, на которую указывал Вамба. Теперь их путь лежал через темную лесную чащу; несколько раз им пришлось переходить ручьи, широко разлившиеся из-за дождей, однако незнакомец, миновав топкие места, уверенно вывел кавалькаду на широкую просеку, откуда было рукой подать до неуклюжего каменного строения с многочисленными внутренними дворами, обнесенного высоким частоколом.

– Вот он, Ротервуд, дом Седрика Сакса! – воскликнул проводник.

Это известие обрадовало Эймера; увидев замок так близко, аббат наконец-то вздохнул с облегчением и поинтересовался у незнакомца, кто он и откуда.

– Я пилигрим, возвращаюсь из святых мест, – сдержанно ответил тот. – Мне довелось родиться в этих местах...

Жилище Седрика, к которому приближались всадники, занимало немалое пространство. Все здешние постройки, хоть и свидетельствовали о том, что владелец их человек не бедный, разительно отличались от высоких, увенчанных башнями замков норманнского дворянства. Однако Ротервуд был достаточно

укреплен и защищен от внезапного нападения: глубокий ров, наполненный водой, и дубовый частокол окружали главное здание. Ворота находились с западной стороны частокола, через ров к ним вел подъемный мост. Узкие бойницы по обе стороны ворот указывали на то, что в случае опасности обитатели поместья готовы встретить неприятеля луками и пращами.

Остановившись перед самыми воротами, крестоносец звучно протрубил в рог. Дождь к этому времени уже лил как из ведра.

Глава 3

В просторном зале все было готово для вечерней трапезы. Седрик Сакс, в нетерпении ожидая ужина, уже восседал в тяжелом резном кресле во главе дубового стола, формой напоминавшего букву «Т».

Все здесь свидетельствовало о простоте нравов. Пол был глинобитный; место, отведенное для трапезы, разделено на две неравные части. На помосте, застланном ковром, располагался покрытый красным сукном небольшой стол и кресла для членов семьи и знатных гостей, а от середины главного стола тянулся стол поуже с приставленными к нему длинными скамьями для домашней прислуги и дворовой челяди.

Несколько огромных каминов отапливали помещение, но трубы были сложены так небрежно, что большая часть дыма оставалась внутри помещения, покрывая дубовые стропила под кровлей густой черной копотью. По стенам было развешано военное и охотничье оружие; двустворчатые двери в углах вели в соседние комнаты. Вся обстановка выглядела по-саксонски грубовато и соответствовала характеру самого хозяина поместья Ротервуд.

Седрик Сакс был среднего роста, но отличался могучим телосложением прирожденного воина и охотника. Он обладал отменным здоровьем, хотя и приближался к порогу шестидесятилетия. Его широкое лицо, спокойные голубые глаза, резкие черты, легкая седина в русых волосах, падавших на плечи, – все говорило о прямотушии и своеволии, которые так часто встречаются у людей раздражительных, гордых и вспыльчивых.

Богатая одежда хозяина дома соответствовала его положению землевладельца, сшитая домашним сапожником из хорошей кожи обувь была украшена золотыми пряжками. Он был вооружен коротким обоюдоострым мечом, а позади его кресла висели суконный плащ, отороченный мехом, и затейливо вышитая шапка. Копье с широким стальным наконечником, прислоненное к креслу и служившее одновременно оружием и опорой на прогулках, дополняло портрет строптивного саксонца.

Седрик находился в дурном расположении духа.

Леди Ровена против обыкновения опаздывала к ужину – на обратном пути из церкви она попала под проливной дождь. Где-то запропастился свинопас Гурт вместе со стадом, и даже любимый шут Вамба отсутствовал. Хозяин Ротервуда исподлобья разглядывал свору притихших собак, чуввших настроение своего владыки. Лишь старый волкодав время от времени позволял себе положить косматую голову Седрику на колени. Но и ласка верного служака встречалась грозным окриком: «Прочь, Бальдер! Не до тебя нынче...»

– Где же леди Ровена? – наконец осведомился саксонец, подозвав Эльгиту, служанку девушки.

– Ей осталось только переменить головной убор, господин...

– Надеюсь, набожность нашей леди впредь будет проявляться при лучшей погоде, – пробурчал Седрик, отпуская служанку и протягивая руку к кубку с вином, чтобы хоть немного погасить раздражение.

Он даже не обернулся, а лишь нахмурил густые брови, когда тишину зала нарушил яростный разноголосый лай собак.

– Настоятель Эймер из аббатства Жерво и рыцарь Бриан де Буагильбер, командор ордена Храма, просят оказать им гостеприимство по пути на турнир, назначенный на послезавтра в Ашби, – доложил торопливо вбежавший слуга.

– Оба норманны, – пробормотал Седрик. – Впрочем, это все равно. Было бы, конечно, лучше, если б они проехали мимо, но в Ротервуде всегда рады гостям. Освальд, – обратился хозяин к дворецкому, – позаботься о лошадях, покажи гостям их покои и зови к ужину. Стой! Если память мне не изменяет, аббат – это

брат самозваного лорда Миддлгема, похитителя чужих земель? Говорят, этот Эймер – довольно-таки веселый малый... Ну что ж, добро пожаловать! А другой... это имя мне смутно знакомо. Храбрый и высокомерный храмовник... Ступай, вели откупорить бочку лучшего вина, подай к столу меду, крепкого эля, шипучего сидра, наливки... Монахи это любят. Надеюсь, что проведут они здесь всего одну ночь. А теперь позови Эльгиту...

Когда служанка явилась, саксонец процедил сквозь зубы:

– Передай леди Ровене, что ее присутствие сегодня необязательно. Если, конечно, она не изъявит особого желания...

– Не сомневаюсь, что такое желание у моей госпожи появится, – перебила хозяйина бойкая девушка. – Леди Ровене всегда не терпит слышать свежие вести из Палестины.

Седрик с усилием сдержал гнев:

– Укороти свой язык, Эльгита. Пусть твоя госпожа поступает как знает...

Служанка насмешливо хмыкнула и удалилась – в полной уверенности, что леди Ровене дозволено вести себя в этом замке как заблагорассудится.

Седрик Сакс тоже это знал.

«Палестина, – хмуро размышлял он. – Сколько глупых ушей с жадностью внимают байкам крестоносцев и рассказам лицемерных пилигримов о Святой земле! Даже я иногда не прочь... Но нет! Строптивый сын – больше не мой сын. Мне незачем проявлять любопытство и расспрашивать о его судьбе...»

Створчатые двери распахнулись настежь, и Седрик Ротервудский поднялся навстречу поздним гостям, которых сопровождали дворецкий с жезлом и четверо слуг с пылающими факелами.

Эймер, воспользовавшись случаем, сменил дорожное платье на сутану с затейливым шитьем. Помимо массивного золотого перстня с вензелем, указывавшего на духовное звание гостя, пальцы его, вопреки орденскому уставу, были унижены драгоценными камнями. Короткая борода аббата была аккуратно подстрижена, а выбритое темя прикрывала алая шелковая шапочка.

Вместо кольчуги на храмовнике теперь была пурпурная туника, подбитая мехом, а поверх нее – белоснежный плащ с нашитым на него восьмиконечным орденским крестом из черного бархата.

За этой парой почтительно следовала свита.

Последним в залу вошел пилигрим, обутый в грубые сандалии и с головы до ног закутанный в просторный черный плащ, мокрый и забрызганный дорожной грязью. Стараясь не привлекать ничьего внимания, он тихо прошел к дальнему камину, чтобы просушить и вычистить одежду.

Седрик, сделав три шага вперед, с достоинством ожидал приближения гостей.

– Сожалею, почтенный аббат, – сказал он, скрывая блеск глаз, – что саксонский обычай не позволяет мне спуститься навстречу таким знатным персонам, как вы и храбрый рыцарь... Не сочтите это за невежливость. И позвольте мне говорить с вами на языке моих предков; я достаточно знаю норманнский, чтобы понять все, что вы скажете.

– Обеты и обычаи, – примирительно улыбнулся Эймер, – являются нелегкими узами, однако, соглашусь с вами, не должны нарушаться, достойный тан. Хотя этот титул, каким величали в ваших краях землевладельцев, уже отходит в прошлое... Что касается вашей речи, то я охотно готов вести беседу как на том, так и на другом языке.

Рыцарь Бриан де Буагильбер надменно перебил настоятеля:

– Я говорю только по-французски, на языке дворянства; впрочем, понимаю и английский – настолько, чтобы сносно объясняться с туземцами.

Седрик сдержанным жестом пригласил гостей к столу и подал знак слугам подавать ужин. Неожиданно он заметил вошедшего в зал свинопаса и бегущего за ним вприпрыжку шута.

– Гурт! – вскричал хозяин дома в полный голос. – Стадо наше цело? Не обидели ли тебя мои соседи?

– Нет, ваша милость, – ответил Гурт, подходя. – Все хрюшки в целости, чтоб им... – Зная характер хозяина, свинопас не стал объяснять что-либо и оправдываться, а поспешил на свое место за столом для слуг.

– Извините, почтенные господа, – сказал Седрик и повернулся к гостям. – Я живу в окружении таких пройдох, что, сэръ рыцарь, враги Господа нашего в Святой земле просто ангелы в сравнении с ними. Однако трапеза уже перед вами, прошу отведать, и пусть радушие хозяина послужит выкупом за скромные дарования моего повара.

Хозяин дома лукавил – его повар считался лучшим в округе. Пряная свинина, зайчатина, олений окорок, дичь на вертеле, рыба, свежее испеченный хлеб, пироги и медовые коврижки подавались к столу в великом изобилии. Серебряные кубки ни мгновения не стояли пустыми – и вскоре стало ясно, что такое пиршество не нуждается ни в каких оговорках. Седрик Сакс первым повернул голову к боковой двери, когда оттуда донесся голос дворецкого:

– Место для леди Ровены!

Едва сдерживая недовольство, Седрик поднялся и почтительно провел девушку к креслу, предназначенному для хозяйки дома. При ее появлении все присутствующие встали.

– Не носить мне вашей золотой цепи на турнире! – шепнул Бриан де Буагильбер на ухо аббату.

– Так-то! – ухмыльнулся монах и поднял кубок. – Но будьте осторожны, за нами наблюдают...

Заметив жадно устремленные на нее глаза храмовника, леди Ровена тут же опустила на лицо прозрачное узорчатое покрывало, давая понять, что ей это неприятно.

Девушка и в самом деле была необычайно хороша собой.

Высокая и при этом грациозная, леди Ровена была полна жизни. Ее ясные голубые глаза под темными шелковистыми бровями лучились кротостью, однако было видно, что она привыкла повелевать. Густые рыжеватые волосы, уложенные в замысловатую прическу и украшенные драгоценностями, оттеняли ослепительную белизну лица и длинной шеи, на которой висела золотая цепочка с ковчезцем из тех, в которых обычно хранятся частицы реликвий. Руки девушки были унизаны кольцами и браслетами, а широкое верхнее платье сшито из тончайшей восточной ткани. Под ним было надето еще одно – шелковое, цвета морской волны, не скрывавшее ее гибкой и сильной фигуры.

– Сэр рыцарь, – произнес Седрик, заметивший движение своей воспитанницы, – щеки саксонских леди непривычны к солнцу, и они не выносят пылких взоров крестоносцев!

– Леди Ровена, – поспешно вмешался аббат, – наказывая смелость моего друга, вы наказываете и нас, лишая удовольствия любоваться вашей красотой... Позвольте надеяться, что вы не будете так жестоки на предстоящем турнире!

– Я не охотник до этих забав, – проворчал Седрик, – и еще не решил, стоит ли нам отправляться в Ашби.

– Случай предоставляет вам возможность прибыть туда в сопровождении нашего отряда...

– Почтенный сэр Эймер, – надменно перебил настоятеля саксонец, – до сих пор я не нуждался ни в чьей защите, кроме собственного меча и верных слуг. Если же мы и отправимся туда, нас будет сопровождать сэр Ательстан Конингсбургский со своей свитой. Благодарю за предложение и поднимаю кубок за ваше здоровье!

– А я, – воскликнул Бриан, – пью за прекрасную леди Ровену, краше которой нет во всей Англии!

– Оставьте свои любезности, сэръ рыцарь, – проговорила девушка, – и не тратьте пыл понапрасну. Лучше сообщите нам, каковы последние новости из Палестины.

– Их не так уж много, если не считать слухов о перемирии с Саладином...

Речь храмовника бесцеремонно прервал Вамба, восседавший позади своего господина в собственном шутовском кресле, украшенном ослиными ушами.

– Перемирия с неверными меня просто состарили! – печально проговорил шут. – Помню их целых три – по одному раз в пятьдесят лет. Выходит, мне нынче полтора ста годков от роду.

– Ручаюсь, что ты умрешь не от старости. – Буагильбер покосился на балагура, узнав в нем одного из простолюдинов, встреченных на дороге. – Тебя, болтун и лжец, прикончат гораздо быстрее, если ты будешь так же указывать путь заблудившимся господам, как сегодня мне и аббату.

– Что я слышу, приятель? – не без одобрения в голосе воскликнул Седрик. – Да тебя надо просто высечь за такие делишки! Я вижу, ты настолько же обманщик, насколько и шут.

– Сколько угодно, дядюшка Сакс, мне все едино, секи. Однако тот, кто взял дурака в советники, уж и давно может его простить...

Прищурившись, шут надменно взглянул на гостя, ожидавшего конца его речи, и только слепой не узнал бы в нем сейчас благородного рыцаря-храмовника.

В этот момент слуга возвестил, что незнакомый путник просит позволения переночевать под защитой крепких стен Ротервуда.

– Впустите его, – распорядился Седрик, – кто бы он ни был. Такая ночь даже диких зверей заставляет прятаться по норам. Позаботься о путнике, Освальд!

Глава 5

Дворецкий, возвратившись, шепнул на ухо хозяину дома:

– Это еврей, он назвался Исааком из Йорка. Впустить его сюда?

– Освальд! Передай свою должность свинопасу, – проговорил шут, высунувшись из-за плеча Седрика. – У Гурта стадо маловато.

– Матерь Божья! – Аббат перекрестился. – Допустить к трапезе некрещеного?

– Немыслимо. – Буагильбер даже побледнел. – Усадить еврея за один стол с крестоносцем?!

– Вишь ты, – заметил Вамба, – храмовники больше любят еврейские денежки, чем их компанию!

– Делать нечего, почтенные гости, – усмехнулся саксонец. – При всем желании угодить вам я не могу нарушить закон гостеприимства. Если Господь столько лет терпит племя упрямых еретиков, то и вам не повредит потерпеть несчастного часок-другой. А ты, Вамба, пересел бы к новому гостю. Дурак и мошенник – отличная пара! А вот и он...

Боязливо озираясь, в зал шагнул изможденный бородатый старик с крючковатым носом и пронизательными черными глазами. Его добротная одежда была потрепана бурей. Он с почтением поклонился присутствующим, однако никто не обратил на него ни малейшего внимания – прием, который не был оказан и врагу, если бы тот не принадлежал к израильскому племени. Седрик, холодно кивнув на робкое приветствие старика, молча указал ему на место за столом для слуг, но там никто даже не пошевелился, чтобы дать старику сесть. Исааку пришлось бы простоять так весь вечер, но пилигрим, расположившийся у огня, сжалился над ним.

– Моя одежда просохла, я уже поел, садись сюда, – негромко позвал он, протягивая продрогшему старику чашку горячей похлебки и кусок пирога.

Вслед за этим пилигрим надвинул капюшон плаща на лицо и отошел в сторону.

Тем временем за хозяйским столом завязалась оживленная беседа, в которую постепенно втянулись все присутствующие. Разговор шел о рыцарских подвигах.

– Выпьем-ка за храбрость в бою! – Седрик поднял кубок. – И за тех, кто доблестно воюет в Палестине!

– Кому же еще, как не рыцарям Храма, быть среди них первыми, – гордо произнес крестоносец, вскинув подбородок. – Их доблесть известна не только неверным.

Шут снова подал голос:

– Если б Ричард Львиное Сердце послушался меня, дурака, остался дома и предоставил завоевание Иерусалима тем рыцарям, что его сами сдали Саладину, то вошел бы в историю как умнейший из венценосцев!

Седрик усмехнулся и покосился на приблизившегося к столу пилигрима.

– Разве в английском войске не нашлось никого, чье имя можно назвать среди храбрейших? – спросила леди Ровена.

– Леди, – Бриан де Буагильбер старался быть любезным, но едва сумел сдержать себя, – несмотря на то что ваш король привел с собой толпу воинов, среди них не нашлось достойных рыцарей.

– Вы лжете, храмовник, – неожиданно отчетливо проговорил пилигрим. Бешеный гнев вспыхнул на лице крестоносца, а незнакомец повернулся к леди Ровене: – Почему же не нашлось? Сам король Ричард и пятеро его лучших рыцарей после взятия крепости Сен Жан д'Акр дали турнир. В тот день каждый из них трижды одерживал победу, а их противники принадлежали к ордену рыцарей Храма... – Он оторвал взгляд от девушки и продолжил, обращаясь теперь ко всем присутствующим: – Первым по доблести и воинскому искусству был храбрый Ричард, король Англии. Вторым – граф Лестер, за ним – сэр Томас Малтон. Далее Фолк Дейли и Эдвин Торнхем...

– Почти все чистокровные саксы! – восторженно вскричал Седрик. – А кто был шестым?

– Шестым... – пилигрим помедлил с ответом, – был совсем юный рыцарь... его имя стерлось из моей памяти.

– Сэр пилигрим, – презрительно произнес храмовник, – я могу освежить вашу память. Этого юношу звали Айвенго, и по чистой случайности ему удалось выбить меня из седла. Он смелый рыцарь, и я снова сразился бы с ним, ибо уверен, что мне удалось бы вернуть себе имя лучшего воина.

– Ваш вызов был бы принят сразу, – спокойно отвечал пилигрим. – Когда Айвенго вернется из Палестины, он встретится с вами в бою...

Казалось, хозяин дома утратил дар речи. Слуги, на которых имя Айвенго произвело впечатление удара грома, затаив дыхание, ждали, что будет дальше. Радость, гордость, гнев и сомнение сменялись на лице Седрика Сакса, словно тени облаков. Его молчание прервал голос аббата:

– Сэр Седрик, крепость напитков уже звонит к вечерне в наших ушах. Позвольте предложить последний тост за здоровье леди Ровены и с миром удалиться на покой.

Прощальный кубок обошел круг. Гости, поклонившись хозяину и леди Ровене, в сопровождении слуг и факельщиков направились в приготовленные для них спальни.

– Нечестивый пес, – прошипел храмовник, проходя мимо сжавшегося Исаака. – Ты тоже направляешься в Ашби?

– Да, ваша милость.

– И твой кошелек туго набит?

– Ни единого золотого, клянусь Моисеем! – Старик испуганно поклонился. – Я иду просить помощи у братьев, потому что начисто разорен...

– Кто этому поверит? – усмехнувшись, сказал Буагильбер и пошел прочь, на ходу что-то шепнув своим мусульманским невольникам.

Глава 6

Отыскивая чуланчик, отведенный ему для ночлега, пилигрим шел по запутанным переходам огромного жилища Седрика, когда его остановила служанка леди Ровены и дала знак следовать за ней. Девушка шепнула, что ее хозяйка хочет немедленно видеть гостя. Пилигрим был удивлен этим приглашением, однако без возражений последовал за горничной.

Короткий коридор и лестница из массивных дубовых брусьев привели обоих в комнату, освещенную пылающими факелами в серебряных шандалах. Леди Ровена сидела в кресле, украшенном затейливой резьбой и походившем скорее на трон, а трое прислужниц тем временем укладывали ее пышные волосы на ночь. Пилигрим преклонил колена, принося дань уважения.

– Встаньте! – сказала девушка. – Тот, кто может сказать доброе слово об отсутствующих, имеет право быть принятым как близкий друг. – Она обернулась к прислужницам: – Оставьте нас, я хочу побеседовать с благочестивым пилигримом.

Девушки вышли, и лишь Эльгита осталась при госпоже.

– Странник, – помолчав, проговорила леди Ровена, – сегодня во время трапезы вы упомянули человека, имя которого по-особому звучит в этом доме. Я поняла вас так, что после отбытия английского войска на родину рыцарь Айвенго остался в Палестине. Он болен или, может быть, ранен?

– Я не так много знаю о рыцаре Айвенго, – смутившись, произнес пилигрим. – Нет, он как будто здоров и собирается вернуться на родину.

– Дай Бог, чтобы он прибыл в Англию поскорее и смог участвовать в предстоящем турнире... – Девушка говорила с нажимом, словно пыталась убедить саму себя. – Если приз достанется Ательстану из Конингсбурга, это

будет несправедливо... Благодарю вас, добрый пилигрим, за вести о друге моего детства... И примите это подаяние в знак моего уважения к вашим тяжелым трудам и лишениям в пути. – Леди Ровена протянула пилигриму золотую монету.

Тот учтиво поклонился и вслед за служанкой покинул комнату. Добравшись до отведенного ему помещения, пилигрим притворил дверь, погасил факел, поплотнее закутался в свой плащ и, растянувшись на сундуке, заменявшем кровать, мгновенно провалился в сон.

С первыми лучами солнца пилигрим вышел из своего закутка, свернул налево по коридору и без стука проник в соседний чулан, где негромко похрапывал еврей Исаак. Не дожидаясь, пока старик откроет глаза, пилигрим тронул его концом посоха, и тот мигом вскочил, дико озираясь вокруг.

– Не бойся, – тихо проговорил пилигрим. – У меня нет злых намерений... Внимательно выслушай меня, Исаак! Тебя ждет большая беда, если ты немедленно не покинешь этот дом.

– Боже правый! – запричитал было старик. – Кому может понадобится жизнь и убогое достояние такого бедняка?

– Ночью храмовник велел своим головорезам схватить тебя и увезти в замок барона Фрон де Бефа... Седрик Сакс не сможет этому воспрепятствовать. Гости еще спят. Собирайся скорее, я провожу тебя тайной тропой через лес!

Затем вместе с перепуганным насмерть стариком пилигрим прошел в каморку, где на соломе сном праведника спал свинопас.

– Проснись, Гурт! – властно приказал пилигрим. – Вставай скорее и помоги нам. Ты должен без всякого шума отпереть калитку в задних воротах усадьбы, которые выходят к лесу.

Недовольный нетерпеливым тоном странника, свинопас приподнял голову и смерил взглядом людей, потревоживших его покой.

– А не угодно ли вам будет подождать, – проворчал он, снова опуская всклокоченную голову на полено, служившее ему подушкой, – пока отопрут

главные ворота? У нас в доме не заведено, чтобы гости уходили в такую рань, да еще и украдкой.

Пилигрим наклонился и что-то прошептал по-саксонски на ухо свинопасу, после чего Гурт вскочил как ошпаренный и бросился исполнять просьбу. Странник бросил ему вслед:

– Поосторожнее, приятель... скоро ты узнаешь намного больше. И, будь так добр, приведи старику его мула, а мне добудь другого. Я верну его в Ашби в целости и сохранности кому-нибудь из слуг Седрика...

Вскоре странник и старик еврей скрылись в чаще леса.

Пилигрим, которому, по-видимому, все здешние лесные тропы были хорошо известны, молча ехал самыми глухими местами. Прошло около двух часов, когда наконец всадники остановились.

– Видишь впереди засохший дуб? – обратился пилигрим к Исааку. – Близ него наши дороги должны разойтись. Здесь уже нечего опасаться погони. Шеффилд совсем рядом, там ты без труда найдешь убежище.

– погоди, добрый юноша! – воскликнул Исаак. – Чем мне отблагодарить тебя? Я знаю, в чем ты нуждаешься, и сумею тебе помочь. Ведь больше всего на свете ты хочешь иметь хорошего коня и достойное оружие?

– Как ты догадался?!

– По двум-трем словам, которые ты произнес вчера. Вдобавок твой нищенский плащ скрывает рыцарскую цепь – она блеснула, когда ты будил меня... – Достав из сумки, висевшей на поясе, письменные принадлежности, старик набросал на клочке пергамента несколько слов и продолжил: – В городе Лестере проживает богатый купец Хайрам. Передай ему эту записку. Сейчас он выставил на продажу шесть рыцарских доспехов миланской работы, и даже самый худший из них подошел бы для короля. А также десять превосходных жеребцов. Когда минует надобность, верни ему все в целости или после турнира уплати за товар.

– Разве ты, Исаак, не знаешь, что в случае поражения мне придется отдать победителю и коня, и оружие? А денег у меня нет.

– Слышать об этом не хочу, – недовольно затряс головой старик. – Если и случатся убытки, тебе, юноша, за них отвечать не придется. Купец простит этот долг ради своего родственника Исаака. Прощай и будь здоров!

Спутники расстались и разными дорогами направились в Шеффилд.

Глава 7

Несмотря на то что Англия в отсутствие своего короля переживала далеко не лучшие времена, состязания прославленных рыцарей привлекали всеобщее внимание. На них стекались люди всех званий и сословий. Турнир в Ашби, на который должен был прибыть сам принц Джон, не стал исключением. Его организаторами были трое знатных баронов – Филипп де Мальвуазен, Фрон де Беф и Гуго де Гранмениль. Их палатки были разбиты вокруг шатра Бриана де Буагильбера, единодушно признанного искуснейшим и опытнейшим среди рыцарей.

Состязание решили провести на обширной тенистой поляне на опушке леса. Поляну обнесли четырехугольной оградой, в которой имелись широкие ворота как с северной, так и с южной стороны. У южных ворот располагались стражники, вестники, трубачи и герольды, которым предстояло объявлять имена участников. За северными воротами установили большую палатку, предназначенную для рыцарей, которые пожелали принять вызов организаторов турнира.

Поскольку место для состязания было выбрано всего в миле от города, то уже с утра сюда начали стекаться толпы возбужденных зрителей. Вдоль ограды мастеровые за одну ночь возвели деревянные галереи для самых знатных зрителей. Что же касается простонародья, то оно должно было размещаться на дерновых скамьях, устроенных на склонах ближайших холмов, что давало зрителям возможность созерцать желанное зрелище поверх галерей и отлично видеть все, что совершалось на арене. Прямо напротив центра поляны под балдахином с королевским гербом до поры пустовало высокое резное кресло, а

по другую сторону ристалища возвышалось еще одно, украшенное не менее пышно и дорого. Оно предназначалось даме – королеве любви и красоты, чье имя должен назвать победитель турнира.

Народ все прибывал, и его было столько, что многие, не найдя себе места, взбирались не только на ветки деревьев, но даже на колокольню находившейся поблизости церкви. Знатные гости, рыцари и дворяне, уже заполнили галереи; среди них оказалось немало оживленных нарядных дам, а нижние места были битком набиты горожанами, в основном в потертой одежде, шумными и вечно недовольными.

Именно здесь и вспыхнула неожиданная ссора, привлекая всеобщее внимание.

– Нечестивец, как ты посмел толкнуть меня, норманнского дворянина! – неожиданно закричал один из зрителей, обращаясь к пожилому мужчине, который пробирался сквозь толпу, крепко держа за руку испуганную молодую черноволосую девушку.

Старик промолчал, ища глазами свободное место поближе к ограде. Это был Исаак, однако никто бы не узнал в богато разодетом еврейском купце недавнего убогого ночного путника. Он явился с небольшим опозданием вместе с дочерью, красавицей Ребеккой, и теперь упорно искал, куда бы усадить свою любимицу. В поддержку норманна зазвучали негодующие крики. Неизвестно, какой оборот приняло бы развитие событий, если бы в эту минуту на арене не появился принц Джон, окруженный толпой всадников. Среди многочисленной щеголеватой свиты брата короля были придворные, воины-наемники, рыцари, пажи и даже аббат Эймер.

В королевском одеянии пурпурного цвета, расшитом золотом, с соколом на обтянутой перчаткой руке, в унизанной драгоценными камнями меховой шапочке, принц гарцевал на сером коне, весело и бесстыдно оглядывая собравшуюся публику. Волнистые длинные волосы Джона развевались на легком ветру, а прищуренные глаза со знанием дела ощупывали фигуры женщин. Заскучавшие было в ожидании начала турнира зрители восторженно приветствовали особу королевской крови.

Неожиданно принц рванул поводья и направил коня прямо к старику Исааку. Он узнал знакомого купца, чьим щедрым кошельком так часто пользовался, однако

сейчас его высокомерный взгляд был прикован к смуглому нежному лицу Ребекки.

– Какая очаровательная... – шепнул принц аббату. – Только взгляните, отче, что за шелковистая кожа, лебединая шея, а эти крохотные ручки и гибкий стан! И какой изысканный наряд: эти жемчуга, этот желтый тюрбан со страусиным пером...

– Бесспорно хороша, – вздохнул Эймер, – однако не забывайте, ваша светлость, что эта дама – всего лишь безымянная еврейка и христианину не подобает...

– Оставьте эти предрассудки, аббат. – Принц уже приближался к старику, и свита последовала за ним. – А вот и мой денежный мешок! – воскликнул брат короля, обращаясь к Исааку. – Тебе не досталось места на галерее, старина? И поделом. Что за сокровище ты прячешь от нас у себя за спиной?

– Это моя дочь Ребекка, ваша светлость, – отвечал с поклоном Исаак, несколько не смутившись. – Девочке очень хотелось взглянуть на турнир бесстрашных рыцарей...

– Она, в отличие от тебя, этого заслуживает, мошенник. – Принц Джон захохотал, откинув голову. – Дочь она тебе или нет, но место вам будет. Эй! Кто там взгромоздился на самый верх? Саксонское мужичье? А не много ли чести? Потеснитесь и дайте сесть моему ростовщику и его дочери!

Зрители, к которым столь пренебрежительно обратился принц, были семейством Седрика Сакса, которого сопровождал Ательстан Конингсбургский, знатный сакс из древнего королевского рода, дальний родственник леди Ровены, предназначенный Седриком ей в мужья. Ошеломленный оскорбительным требованием принца, Ательстан на мгновение растерялся.

– Саксонская свинья или спит, или оглохла, – брезгливо проговорил Джон и обернулся к одному из рыцарей своей свиты: – Де Браси, разбуди-ка ее своим копьем!

Не обращая внимания на ропот, поднявшийся в галерее, рыцарь бесцеремонно протянул через ряды свое длинное копье, чтобы исполнить приказание, но Седрик молниеносным движением выхватил свой короткий меч и одним

яростным ударом отсек стальной наконечник.

Принц вспыхнул от гнева, злобно выругался и под шум толпы, одобрявшей поступок сакса, развернул коня. На глаза ему снова попался Исаак.

- Иди и сядь между ними! - злобно прошипел Джон.

- Ни под каким видом, ваше высочество! Нам, евреям, неприлично и опасно находиться рядом с сильными мира сего, - проговорил старик, пятясь и кланяясь. - Да и место для моей дочери уже нашлось...

Немного поостыв, брат короля Ричарда вновь пришел в благодушное настроение - он любил турниры и портить себе удовольствие из-за каких-то там саксов не собирался. Принц в последний раз объехал арену по кругу и уже перед самым помостом, предназначенным для него, наклонился к Эймеру.

- А ведь мы позабыли самое главное, аббат! - воскликнул он. - Мы не назвали имя королевы любви и красоты! Я бы отдал свой голос за черноглазую Ребекку.

- Пресвятая Дева, - ужаснулся настоятель. - Вы шутите, ваша светлость! Я еще не готов принять мученический венец. Чем вам не по душе саксонка леди Ровена?

- Не все ли равно, - хмыкнул принц, - выбирайте кого хотите!

- Пусть трон королевы останется свободным, - предложил де Браси, - пока сегодняшней победитель не назовет ее имя.

- И, кажется, я его знаю, если победу одержит крестоносец, - произнес аббат.

- Буагильбер - достойный рыцарь, - заметил де Браси, - но здесь немало и других достойных...

Заняв свой трон и дождавшись, когда свита окружит его, принц Джон наконец объявил о начале турнира и подал знак герольдам.

Глава 8

Правила турнира, которые во всеуслышание огласили герольды, были просты.

Пять рыцарей, выбранных по жребию, вызывают на бой желающих сразиться с ними. Каждый из желающих имеет право прикосновением к щиту выбрать себе противника из числа этих пяти. Если же он коснется щита острием копья, это будет означать, что он готов биться насмерть. В первый день имя победителя должен объявить принц Джон. Рыцарь, одержавший победу, получит в награду лучшего коня и выберет даму – королеву турнира, которая и назовет имя главного победителя на второй день, когда в состязаниях смогут принять участие все, кто пожелает.

К тому времени как герольды закончили чтение, огороженное пространство у северных ворот, ведущих на арену, начало заполняться всадниками. Затем ворота распахнулись и пятеро рыцарей медленно выехали на ристалище под гром литавр и ободряющие крики зрителей. Рыцари пересекли арену и остановили коней у палаток устроителей турнира; теперь каждому предстояло выбрать себе достойного противника. Сделав выбор, рыцари отъехали на другой конец арены и выстроились в ряд. Их доспехи и оружие сверкали на солнце, а пестрые флажки, украшавшие наконечники копий, и плюмажи из перьев на шлемах трепетали на ветру.

Все было готово к великолепным состязаниям.

В наступившей тишине взлетели голоса серебряных труб, и рыцари, набирая скорость, понеслись навстречу друг другу. Однако, к разочарованию публики, эта схватка продолжалась совсем недолго – четверо противников храмовника и норманнских баронов сразу же были повергнуты на землю. Лишь одного из рыцарей, пятого и последнего, схватившегося с Ральфом де Випонтом, зрители проводили рукоплесканиями. Вслед за первой группой на арене появилась вторая, потом – третья, но перевес и успех по-прежнему были на стороне тех, кто затеял турнир.

Никого так не огорчил исход первых поединков, как Седрика Сакса, который каждый успех норманнских рыцарей принимал словно личное оскорбление. Он то и дело вопросительно поглядывал на Ательстана, который был обучен

рыцарским премудростям, пока впрямую не спросил соседа, не хочет ли тот попытать счастья.

– Я буду биться во второй день, – неохотно ответил Ательстан. – Сегодня уже не стоит надевать доспехи.

Тут и Вамба вставил свое словечко:

– Куда почетнее быть первым из ста, чем первым из двух...

Его шутку заглушил грохот литавр и рев труб, возвещающий о победе Бриана де Буагильбера, который на скаку, действуя одним тяжелым копьем, спешил двух противников. Один из них тут же безоговорочно признал свое поражение. Едва трубы и литавры смолкли, как разнесся звук одинокой трубы, означающий вызов, брошенный рыцарю-крестоносцу. Все взоры обратились к северной стороне арены.

Ворота поспешили распахнуть, и на поле на вороном скакуне появился новый боец в сверкающих стальных латах с богатой золотой насечкой. На гербе, украшавшем его щит, был изображен молодой дуб, вырванный с корнем, под которым был написан девиз рыцаря: «Утративший Наследство». Сделав круг, всадник с достоинством приветствовал принца и зрителей. Рыцарь ловко держался в седле, а его телосложение казалось скорее хрупким, чем крепким, какое бывает у опытного воина. К изумлению зрителей, он направился к шатру храмовника и с силой ударил острием копья в щит Буагильбера, вызывая того на смертный поединок.

Когда оба противника разъехались по разным концам арены, тревожное ожидание зрителей достигло предела; в глубокой тишине раздался высокий звук труб, и противники, словно две молнии, понеслись навстречу друг другу.

При столкновении их копья разлетелись в щепки по самые рукояти, а кони обоих рыцарей взвились на дыбы и, взметая комья земли, отпрянули назад. Сменив копья, противники вновь выехали на середину арены. На этот раз храмовник ударил так метко и с такой силой, что наконечник его копья вошел в самую середину щита неизвестного рыцаря. В свою очередь Утративший Наследство, вначале тоже метивший в щит Буагильбера, в последний момент схватки изменил направление копья и ударил по шлему противника. Это было гораздо

труднее, но при удаче удар был почти неотразим. Так оно и случилось, удар пришелся по забралу, а острое копьё задело перехват стальной решетки. Однако храмовник и тут не потерял присутствия духа и поддержал свою славу. Если б подруга его седла случайно не лопнула, быть может, он и не упал бы. Но вышло так, что седло, конь и всадник рухнули на землю и скрылись в столбе пыли.

Вне себя от ярости, Бриан де Буагильбер вскочил на ноги и, выхватив меч, бросился на своего обидчика. Однако распорядители турнира тотчас напомнили ему, что правилами строго запрещены поединки один на один в первый день рыцарских состязаний.

– Мы еще встретимся, – злобно прохрипел храмовник, отшвырнув меч и ловя поводья коня.

Доспехи Буагильбера были сильно помяты, сам он заметно прихрамывал, покидая ристалище.

Не сходя с коня, рыцарь потребовал кубок вина и, осушив его до дна, дал знак своему трубачу бросить вызов остальным рыцарям – устроителям турнира.

Первым на арену выехал барон Фрон де Беф, настоящий великан в черной броне. У обоих противников копьё переломилось в первом же столкновении, но при этом барон потерял равновесие, едва не вылетев из седла, и судьи решили, что он проиграл. Следующая стычка произошла с бароном Мальвуазеном и была столь же «успешна», как и следующий бой с Гранменилем: оба признали себя побежденными. Ральф де Випонт пополнил список блестящих побед незнакомца, с такой силой грохнувшись оземь, что кровь хлынула из-под его забрала. Бесчувственного норманна пришлось унести с арены.

Тысячи восторженных голосов приветствовали решение принца и приговор судей. Победителем первого дня турнира был признан рыцарь Утративший Наследство.

Победителя попросили снять шлем или поднять забрало, прежде чем он предстанет перед принцем Джоном, однако неизвестный рыцарь вежливо отклонил эту просьбу. Сделав почетный круг, он остановил коня перед королевской ложей.

Принц сгорал от любопытства, хотя и был огорчен бесславным поражением своих фаворитов. Он безуспешно гадал, кто же скрывается под стальным забралом, и малодушно страшился мысли, что это один из приближенных его брата Ричарда, вернувшийся из Палестины. Однако незнакомец спокойно склонил голову в приветствии, и принц велел подвести победителю призового коня. Высокомерно похвалив достоинства Утратившего Наследство, принц проговорил:

– Вам, сэ, оказана честь избрать ту прекрасную даму, которая займет трон королевы любви и будет главенствовать на завтрашнем празднике. Рыцарь, опустите ваше копье!

Тот повиновался. Принц Джон надел на острие копья венец из зеленого атласа, украшенный золотым обручем в виде сплетенных сердец и наконечников стрел, и подал знак. Зрители замерли в ожидании.

Седрик Сакс, сверх всякой меры довольный поражением храмовника и ненавистных ему баронов, жадно следил за каждым движением победителя. Леди Ровена казалась равнодушной, но и ее взгляд не отрывался от фигуры рыцаря. Даже флегматичный Ательстан ожил и потребовал себе кубок мускатного вина, чтобы осушить его в честь героя турнира. И только Исаак из Йорка был несколько озабочен случившимся.

– Ну и прыток оказался наш вояка, – жаловался он дочери. – Совсем не бережет чистокровного коня, будто это вьючный осел. А дорогие доспехи? Он что, нашел их на большой дороге?

– Не говори так, отец, – возразила Ребекка, – ведь храбрый рыцарь каждую минуту рисковал жизнью.

Тем временем победитель приблизился к галерее, где находилось семейство Седрика Ротервудского. С минуту рыцарь постоял неподвижно, а затем почтительно склонил копье и положил венец к ногам прекрасной саксонки.

Щеки леди Ровены вспыхнули легким румянцем. В ту же минуту грянули трубы и герольды провозгласили ее королевой турнира.

Принц Джон в сопровождении свиты направился к выходу; народ начал мало-помалу расходиться. Толпы зрителей рассыпались по долине. Большинство из них устремилось в Ашби, где в замке остановились знать и брат короля Англии.

Голоса постепенно стихли, и вскоре на опустевшем ристалище воцарилась глубокая тишина. Лишь изредка доносился смех слуг, убиравших на ночь подушки и ковры с галерей для именитых гостей. Распахнулись двери кузниц, расположенных вокруг арены, подмастерья начали раздувать горны, и в густеющем вечернем сумраке принялись за работу оружейники и мастеровые. Отряд воинов, сменявшихся каждые два часа, окружил ристалище, чтобы нести свою службу до наступления утра.

Ни Седрик Сакс, ни леди Ровена, ни даже Ательстан не приняли любезного приглашения принца Джона отужинать в его обществе. Вежливо отказался от поездки в замок и рыцарь, сражавшийся под девизом «Утративший Наследство». Едва зрители поднялись со своих мест и направились к выходу, победитель турнира поспешил скрыться в своем шатре.

Глава 10

Однако уже через полчаса рыцарю доложили, что к нему явились пятеро оруженосцев устроителей турнира. Рыцарь немедленно надвинул на лицо капюшон плаща, в который он переоделся, едва успев освободиться от доспехов. Закутанный в такое же глухое одеяние слуга, который, казалось, как и его хозяин, хотел остаться неузнанным, проводил рыцаря туда, где его ожидали.

– Согласно правилам турнира, – начал один из оруженосцев, – я, слуга рыцаря Бриана де Буагильбера, послан им, чтобы вручить вам коня и оружие, которые служили ему в состязании. Вы можете оставить их себе или потребовать денежный выкуп.

– От вашего хозяина я ничего не приму, – ответил победитель. – Передайте ему, что наш поединок еще не окончен.

– Нам также поручено, – выступил вперед оруженосец из оставшейся четверки, – предложить храброму рыцарю по сто золотых монет выкупа за каждого из коней и доспехи.

– Я приму половину этой суммы, – ответил рыцарь Утративший Наследство. – Остальное разделите между собой и раздайте другим слугам.

Возвратившись в свой шатер, он с улыбкой подозвал слугу:

– До сих пор, Гурт, ты отлично справлялся с ролью моего оруженосца и прислужника. Я хочу вознаградить тебя за все опасности, которым ты подвергался. Прими, будь добр, эти десять золотых за усердие и преданность...

– Так я теперь богач! – просияв, воскликнул свинопас.

– А этот мешок с золотом сейчас же снеси в Ашби. Разущи там Исаака из Йорка. Пусть из этих денег он возьмет то, что причитается ему и его родичу.

– Все будет в точности исполнено! – Гурт поцеловал рыцарю руку, взял кожаный кошель и покинул шатер. «Не быть мне саксом, коль не заставлю проклятого еврея запросить ровно треть!» – думал он по дороге.

...В покое, украшенном по-восточному пышно, на вышитых шелком подушках расположилась Ребекка, которая, молча наблюдая за своим отцом, не сводила с него нежного и в то же время тревожного взгляда. Расстроенный донельзя Исаак в волнении расхаживал перед дочерью, время от времени всплескивая худыми руками и закатывая глаза.

– О небо! – восклицал он. – Праведный Господь! Полсотни монет вырвал у меня своими когтями этот ненасытный тиран! По какому праву?

– Но мне показалось, батюшка, – проговорила Ребекка, – что вы сами охотно отдали это золото принцу Джону.

– Так же охотно, как в Лионском заливе я однажды выбросил за борт товары, чтобы облегчить корабль во время бури... Чтоб его поразила казнь египетская! Мало того что наше племя скитается по всему свету, так нас еще грабят и заставляют радоваться и благодарить...

– Однако без нас им не обойтись, – успокаивала старика девушка. – Даже сегодняшний великолепный турнир не состоялся бы без твоего желания и денег. Так или иначе, но все потерянное золото вернется в твои сундуки...

– Не все! – возразил Исаак. – А конь, а богатые доспехи – мой барыш от сделки с Хайрамом, который я из-за минутной слабости отдал неизвестному юноше? Впрочем, он был добр ко мне, а возможно, даже спас жизнь...

– Грешно раскаиваться, отец, за порыв добрых чувств, – нахмурившись, заметила Ребекка.

– Верно, – старик живо повернулся к дочери, – однако у меня нет ни малейшей уверенности в том, что даже самые благородные рыцари имеют обыкновение возвращать свои долги.

Слуги тем временем поставили на круглый столик черного дерева две зажженные лампы и начали не спеша накрывать к ужину. Вскоре один из них вышел и вернулся с сообщением, что господина дожидается посетитель. Исаак отставил кувшин с греческим вином и велел Ребекке накинуть на голову покрывало.

Дверь отворилась. В покои вошел Гурт и остановился, не сняв шапки.

– Ты ли Исаак из Йорка? – спросил подозрительный гость, осматриваясь по сторонам.

– А ты кто таков?

– Не все ли тебе равно, из какой реки к тебе приплывет золотая рыбка?

– Ты принес деньги? – Старик торопливо шагнул к Гурту. – Кто тебя послал?

– Рыцарь Утративший Наследство. Конь уже стоит в твоей конюшне. Что должен тебе рыцарь за остальное?

– Я же говорил, это поистине добрый юноша! – воскликнул Исаак в полном восторге. – Отведай вина, посланец... Сколько же у тебя в кошельке монет?

– Восемьдесят золотых.

– Маловато... – Алчность старика отчаянно боролась с его великодушием, но великодушие все же победило.

Пока Исаак писал расписку, свинопас без церемоний осушил еще один кубок, одобрительно хмыкнул и кивнул слуге, чтобы тот снова наполнил посудину. Затем сунул клочок пергамента за подкладку истрепанной шапки и, не прощаясь, покинул комнату.

Не успел он переступить порог, как горячая женская ладошка крепко схватила его за руку и повела по темному коридору. Гурт счел все это действием невиданного вина, которого ему до сего дня не случалось пробовать, и не очень сопротивлялся, пока его не прижали к стене прихожей, освещенной тусклой сальной свечой.

– Тише, дружок, – шепнуло привидение серебряным голосом. – Мой батюшка пошутил... Сколько ты ему отдал?

– Восемьдесят золотых. – Изумленный свинопас наконец-то узнал Ребекку.

– Вот тебе кошелек, – сказала девушка, – в нем сто монет. Возьми себе двадцать, остальное отдай рыцарю. Я запру за тобой дверь. Будь осторожен на городских улицах. Быстрее...

Когда за Гуртом захлопнулись ворота, он еще долго стоял в ночной тишине, почесывая в затылке и бормоча:

– Десять монет от моего господина да еще двадцать от ангела небесного! Славный выдался денек! Если так пойдет и дальше – конец твоей неволе, свинопас! Внесу выкуп, добуду меч и стану служить молодому господину до

самой смерти, не скрывая больше ни от кого ни своего лица, ни имени...

Дорога прямо от окраины Ашби спускалась в темную глубокую лощину, густо заросшую орешником и курчавыми дубами. Из городка доносился отдаленный шум гульбы – крики, смех, дикая музыка, и это внушало Гурту некоторое беспокойство. Он ускорил шаг, чтобы побыстрее выбраться на открытое место.

Однако все вышло по-другому. Едва свинопас поравнялся с колючим кустарником, на него накиннулись, вмиг скрутили руки за спиной и сбили с головы шапку вместе с распиской Исаака. Мужчин оказалось четверо, и их лиц Гурт даже не успел рассмотреть.

– Тащите его в лес! – приказал один из разбойников. – Освободим парня от лишнего груза...

Компания, в которой против своей воли оказался удрученный свинопас, остановилась на глухой лужайке, где к ней присоединилась еще пара отпетых злодеев в масках, вооруженных мечами и увесистыми дубинками.

– Сколько при тебе золота, бродяга? – спросил один из них, грубо схватив Гурта за плечо.

– Где ты видишь бродягу? – угрюмо отвечал Гурт. – У меня тридцать собственных монет; я копил их долгие годы, чтобы заплатить выкуп Седрику Саксу. Если ты, разбойник, хочешь оказаться на его месте, бери деньги и отпусти меня...

– Врешь! Тут у тебя еще целый мешок золота!

– Отобрать! – слышались голоса со всех сторон.

– Это деньги моего господина. Я их несусь от еврея Исаака из Йорка, остальное вам знать ни к чему.

– Ишь ты, – пробурчал разбойник. – Кто же он, твой господин?

– Рыцарь Утративший Наследство. Он добыл это золото своим копьем...

– Это тот, что ли, неизвестный рыцарь, что выиграл приз на нынешнем турнире? Да еще и вывалял в пыли баронов? А тебя-то как звать?

– Сказать вам это – все равно что назвать имя моего господина.

– Ну ты и наглец!..

– Отнять у него золото! – снова закричали остальные разбойники. – Огня сюда!

Запылали факелы, у Гурта отобрали кошель, и он, взбешенный, воспользовался суматохой и, выхватив из рук одного из разбойников здоровенную дубину, с силой огрел того по спине. Свинопас мог бы сбежать, однако он не пожелал расставаться со своим имуществом, и его снова скрутили.

– Мошенник! – взревел ушибленный разбойник, бросаясь к Гурту. – Ты сломал мне спину, и я тебя проучу как следует!

– погоди, – сказал другой, по виду старший среди лесной братии. Он задумчиво вертел в руках расшитый шелком кошелек Ребекки. – Похоже, раб говорит правду. Его хозяин – странствующий рыцарь, так что пусть убирается восвояси...

– Это не по правилам! – закричали разбойники. – Парня надо наказать!

– Что ж, будь по-вашему. – Вожак подозвал к себе плечистого увальня. – Ну-ка, Мельник, бери свою дубовую подружку, а вы, ребята, отпустите молодца и дайте ему такую же дубину. Пусть честно померяются силами. Кто победит – тому и жить...

Оба бойца сошлись и начали наносить удары друг другу с такой ловкостью и быстротой, что на поляне долго стоял один только непрерывный стук сухого дерева. Наконец Мельник, потеряв терпение и грозно сопя, начал наступать, однако Гурт, защищаясь, вывернулся из-под его удара, неожиданно вскинул дубину над головой и изо всей силы треснул противника по лбу. Разбойник рухнул как подкошенный и вытянулся во весь свой здоровенный рост на траве под одобрителный свист разбойников.

– Ну, приятель, и повезло же тебе! Можешь идти своей дорогой, – усмехнувшись, сказал главарь и вернул Гурту кошель с деньгами. – Я дам тебе провожатых, они доведут тебя до холма, а дальше сам отыщешь своего рыцаря... И помалкивай о том, что с тобой приключилось, – тебе же будет спокойнее!

На этом они расстались, и свинопас вскоре благополучно добрался до шатра рыцаря Утратившего Наследство.

Он тут же выложил все подробности многообразных событий, которые ему довелось пережить нынче вечером, и лишь затем, усталый, растянулся на медвежьей шкуре перед входом в шатер, чтобы никто не смог потревожить сон его господина, который должен был набраться сил перед вторым днем турнира.

Ночь была тихая, мириады звезд перемигивались на бархатном небосклоне.

Глава 11

Как только солнце показалось над горизонтом, к зеленой поляне с разных сторон потянулись зрители, чтобы успеть занять лучшие места.

По обычаю в этот день рыцари должны были сражаться не один на один, а небольшими отрядами, причем разрешалось пускать в ход меч и секиру, но использовать кинжалы запрещалось. Такие состязания были куда более опасны, чем те, что происходили в первый день. Не только клинки тяжелого оружия угрожали жизни бойцов; копыта разгоряченных коней нередко причиняли страшные увечья тем, кто был выбит из седла и не мог вовремя подняться из-за тяжести доспехов.

Согласно тем же обычаям рыцарь Утративший Наследство возглавил первую партию, а крестоносец, признанный накануне вторым по храбрости и воинскому искусству, стал предводителем второй.

Около десяти утра рев труб возвестил о прибытии принца Джона. Одновременно с ним в галерее показались Седрик Сакс и леди Ровена, но на этот раз без Ательстана, который, к немалому удивлению Седрика, присоединился к партии

Бриана де Буагильбера. На то имелась особая причина – Ательстан посчитал необходимым наказать того, кто дерзко, как ему казалось, повел себя по отношению к его нареченной невесте. Устроители турнира, поняв, что и принц не прочь посрамить «выскочку», также присоединились к отряду храмовника. В то же время немало славных рыцарей саксонского и норманнского происхождения пополнили ряды партии вчерашнего победителя...

Как только леди Ровена поднялась на помост, где стоял трон для королевы турнира, зазвучала торжественная музыка, заглушаемая громкими приветственными криками зрителей. Солнечные блики играли на оружии и доспехах рыцарей, томившихся в ожидании начала турнира. Наконец на ристалище выступили герольды и установилась тишина. Были оглашены дополнительные правила, согласно которым состязания должны закончиться по знаку принца Джона, а победителя наградит избранная вчера королева. Сейчас же затрубили трубы, шпоры вонзились в бока коней и первые всадники обеих партий понеслись друг на друга.

Когда облако пыли, поднятое копытами разгоряченных коней, осело, стало видно, что добрая половина рыцарей выбита из седел. Оставшиеся в рядах всадники снова сомкнулись, выхватив мечи. Лязг оружия, крики и звуки труб заглушали стоны раненых; блестящие доспехи рыцарей покрылись пылью и кровью, а пышные перья плюмажей, срубленных со шлемов острыми лезвиями, летали в воздухе.

Мало-помалу ряды сражающихся начали редеть, и наконец Бриан де Буагильбер оказался лицом к лицу с рыцарем Утратившим Наследство. К этому времени партия вчерашнего победителя находилась в самом затруднительном положении – могучая рука Фрон де Бефа и бычья сила тяжеловесного Ательстана косили сражающихся одного за другим. Однако оба рыцаря одновременно поняли, что получают решительный перевес в схватке, если придут на помощь храмовнику, завязавшему бой со своим главным соперником. Теперь против одного выступили трое опытных бойцов. Казалось, уже ничто не сможет спасти рыцаря Утратившего Наследство, если бы не поразительная резвость его коня. Он стремительно увертывался от нападавших на него со всех сторон, на скаку нанося меткие удары мечом направо и налево.

Зрители видели, что силы одинокого воина на исходе, и даже аббат Эймер намекнул принцу Джону, что пора бы остановить турнир, но тот возразил, что неизвестный рыцарь уже получил свою награду и теперь для него пришла пора разделить свой триумф с другими.

Однако помощь пришла с неожиданной стороны.

Один из сторонников рыцаря Утратившего Наследство, не имевший никакого девиза на щите и до сих пор почти не принимавший участия в состязании – его прозвали Черным Рыцарем из-за цвета его сарацинских доспехов, – вдруг стремительно бросился в бой и обрушил свой меч на шлем Фрон де Бефа. Барон рухнул вместе с лошадью, а нападавший круто обернулся к Ательстану. Отшвырнув сломанный меч, он вырвал из рук сакса секиру и нанес ему удар такой силы, что тот без чувств растянулся в пыли.

Предоставив своему предводителю самому завершить поединок с крестоносцем, Черный Рыцарь не спеша направился к воротам на северном краю ристалища.

В этот момент раненая в схватке лошадь Буагильбера не выдержала последнего столкновения противников и пала. Рыцарь Утративший Наследство мигом спрыгнул с седла, приблизился к храмовнику и занес меч над его головой.

В следующую секунду принц Джон, желая избавить Бриана де Буагильбера от бесчестия, бросил на арену свой жезл, положив конец состязанию. Он поискал глазами Черного Рыцаря, однако того нигде не было видно. Кто-то из свиты шепнул принцу, что рыцарь ускакал в сторону леса.

– Что ж, раз этот смельчак отсутствует, – без особой охоты проговорил Джон, – придется снова отдать первенство рыцарю без имени. Пусть королева турнира вручит ему приз.

Торжественно зазвучали литавры, и герольды воздали честь храбрым бойцам и славу победителю. Затем рыцаря подвели к трону, где сидела леди Ровена.

Девушка величаво спустилась с возвышения и уже хотела возложить венец на шлем рыцаря, когда судьи с возмущением воскликнули в один голос:

- Это недопустимо! Победитель турнира обязан обнажить голову перед королевой!

Обступив рыцаря, они расстегнули ремни и сняли с него шлем. Открылось обрамленное светлыми волосами мужественное и бледное лицо красивого двадцатипятилетнего юноши.

Из груди леди Ровены вырвался сдавленный крик, однако, с огромным усилием справившись с собой, она возложила венец на голову победителя и твердо произнесла:

- Никогда еще рыцарский венец не украшал чело более достойного воина...

Рыцарь склонил голову, поцеловал руку прекрасной саксонки, затем внезапно покачнулся и осел на землю у ее ног.

Это происшествие вызвало всеобщее смятение. Седрик, пораженный появлением Айвенго, им же изгнанного из родительского дома сына, бросился к нему, но его опередили. Судьи, поняв причину обморока рыцаря, поспешили освободить его от лат. На боку юноши зияла кровавая рана, нанесенная могучим ударом копья.

Глава 12

Едва было произнесено имя Айвенго, как оно начало передаваться из уст в уста и очень скоро достигло королевской ложи.

– Недаром я сразу почувствовал неприязнь к этому молодцу, хотя и не подозревал, что под его доспехами скрывается любимчик моего брата, – молвил принц.

– Нет сомнения, что рано или поздно рыцарь потребует обратно замок и владения, пожалованные ему Ричардом, – те, что великодушно переданы вашим высочеством барону Фрон де Бефу, – заметил Вальдемар Фиц-Урс. – Однако пока больших беспокойств от него ждать не приходится – сэр Айвенго опасно ранен.

– Надеюсь, все обойдется, – усмехнулся принц. – Тем не менее этот храбрый рыцарь все же победитель турнира. Пошлите к нему нашего лекаря.

Фиц-Урс сообщил, что рыцаря с ристалища уже куда-то утащил его звероподобный оруженосец, и поспешил сменить тему, сказав:

– Сегодня мне было грустно смотреть на леди Ровену. Она царствовала всего лишь день, который закончился так прискорбно.

– А кто она такая? – спросил принц Джон. – Я об этой леди только и слышу.

– Богатая наследница знатного саксонского рода, – пояснил аббат Эймер. – Бесценная жемчужина...

– Она сирота? Вот оно что... А ведь по древнему английскому закону мы имеем королевское право выбрать ей супруга. А заодно и развеселим красавицу... Как тебе такой лакомый кусочек, де Браси?

– Если ее земли придутся мне по душе, то я не откажусь от такой невесты, – откликнулся де Браси. – Ваше высочество с избытком исполнит все обещания, данные своему верному вассалу.

– Отлично! – воскликнул принц и встал. – Передайте дворецкому, чтобы он позаботился пригласить леди Ровену и ее неотесанного опекуна. И никаких отговорок – их присутствие на нашем вечернем пиру обязательно...

В этот момент появился слуга и с поклоном подал принцу Джону небольшой конверт, запечатанный красной сургучной печатью.

– Доставлено гонцом, судя по внешности, французом, – ответил слуга на вопросительный взгляд принца. – Велено передать лично в руки.

Пробежав глазами короткое письмо, принц побледнел и, отведя в сторону де Браси и Фиц-Урса, передал им содержание послания. В нем было всего несколько слов: «Будьте осторожны и еще раз осторожны – зверь сорвался с цепи!»

– Это означает, – упавшим голосом произнес принц, – что мой брат Ричард вырвался из плена на свободу и находится на пути в Англию.

– В таком случае, – нахмурившись, произнес Фиц-Урс, – нам и нашим сторонникам следует собрать все силы в одном месте – в Йорке. Иначе будет поздно.

– Благодарю, Вальдемар. – Принц Джон слегка повеселел. – Однако сегодняшней вечерний пир не отменяется и пройдет своим чередом. И вот еще что... – Он подозвал слугу, который принес письмо, и тихо приказал: – Пусть накормят гонца, а ты, не теряя ни минуты, скачи в Ашби. Передай еврею Исааку, чтоб до заката солнца прислал мне две тысячи крон. Вот тебе мой перстень в подтверждение, что ты от меня. Он знает зачем. Остальная сумма должна быть вручена мне в Йорке не позднее чем через шесть дней. Иначе старику не сносить головы. Ступай...

Вслед за отъездом принца Джона начали расходиться и прочие зрители.

Вечерний пир превзошел всякие ожидания.

Замок и поместье Ашби принадлежали Роджеру де Квинси, графу Уинчестеру, который отправился вместе с королем в Палестину. Принц, без зазрения совести пользуясь его имуществом, созвал множество гостей, был любезен и весел и постарался блеснуть роскошью яств и напитков.

Седрика и Ательстана он встретил с предупредительной вежливостью и выразил глубокое сожаление, что леди Ровена по нездоровью не смогла принять его приглашение. Принц велел проводить гостей на отведенные им места и, едва сдерживая смех, обменялся с Фиц-Урсом взглядами – оба сакса были одеты в

свою старинную дорогую одежду, передаваемую из поколения в поколение, и среди норманнских щеголей выглядели ряжеными пугалами.

Принц Джон занял свое место напротив Седрика, и пир покатился, как бочонок с элем с крутой горы, – слуги одно за другим меняли блюда, все чаще поднимались задравные кубки, звучали хмельные возгласы, смех, музыка, пока наконец не пришла пора последней круговой чаши.

– Выпьем за здоровье Уилфреда Айвенго, героя сегодняшнего турнира! – Принц приподнял кубок, взглянув исподлобья на Седрика. – Мы сожалеем, что его нет с нами. – Заметив, что Седрик не прикоснулся к своей чаше, Джон притворно удивился: – Почтенный батюшка храброго рыцаря отказывается принять наш тост?

– У меня больше нет непокорного сына, который отрекся от родовых обычаев, – мрачно произнес сакс, вставая. – Он ослушался меня...

– Сядьте, сэр Седрик, не стоит гневаться на юношу, – улыбнулся принц. – В конце концов, весь этот пир в его честь. А скажите-ка, достопочтенный, правда ли, что мой брат Ричард намеревался преподнести рыцарю Айвенго поместье в этих краях?

– Чистая правда. – Седрик угрюмо кивнул. – Это и стало одной из причин нашей ссоры с Уилфредом. Оскорбительно принимать в дар то, что силой отобрано у твоих предков...

– Выходит, сэр Седрик, – быстро спросил Джон, – вы не станете возражать, если мы передадим поместье тому, кто сочтет за честь принять подарок от британской короны? Сэр Фрон де Беф вполне достоин этого. И тогда у вашего сына больше не будет возможности вторично навлечь на себя родительский гнев.

Седрик не успел ответить, как Фрон де Беф со смехом воскликнул:

– Ради этого ваше высочество даже может зачислить меня в саксы!

– Ну, сэс барон, – взорвался Седрик, задетый этими словами, – если б кому и вздумалось назвать тебя саксом, это была бы для тебя незаслуженная честь.

– Благородный Седрик прав, – поспешил успокоить гостя принц, – саксонская порода имеет первенство над нашей...

– Хотя бы тем, что саксы вечно бегут впереди норманнов, как олень, преследуемый собаками, – подхватил де Браси, позабыв во хмелю, что ему обещана саксонская супруга. – И не забывайте об их пламенной любви к горячительным напиткам!

– Довольно шуток, господа рыцари! – примирительно воскликнул Фиц-Урс, заметив, что гость начинает задыхаться от гнева.

Седрик оттолкнул его протянутую руку, налил себе полную чашу вина и произнес:

– Если на этом пиру кое-кому не по нраву саксы, я хочу выпить за норманна – первого среди храбрых. Здоровье короля Ричарда Львиное Сердце!

Принц Джон вздрогнул, машинально пригубил из своего кубка, а Седрик, осушив до дна свою чашу, гордо покинул пиршественную залу в сопровождении Ательстана и других гостей-саксов.

Вскоре в замке осталась лишь свита принца.

– Ну, – сказал, обращаясь к рыцарям аббат Эймер, – пошумели и довольно! Выпито немало, пора и на покой. Кто как хочет, а я отправляюсь домой...

– Вот вам результат ваших нелепых шуточек. – Принц Джон выглядел вконец расстроенным, когда аббат покинул зал. – Мы позвали сюда саксов, чтобы напоить как следует, одурачить и взять свое, а эти грубые мужланы не только выиграли турнир, но еще и с пира ушли победителями. И настоятель что-то учуял... Он первым отречется от меня и постарается увезти с собой Буагильбера... Начали разбегаться, крысы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/valter-skott/ayvengo-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)